

Театръ и музыка.

Концертъ Игумнова.

Умеръ Римскій-Корсаковъ, — и осиротѣла русская музыка. Незаполнимый, зіяющій провѣлъ оставила смерть автора «Снѣгурочка» въ области оперы. Среди современныхъ русскихъ композиторовъ нѣтъ пока ни одного, кого по значительности опернаго творчества (независимо отъ его характера) можно было бы назвать достойнымъ преемникомъ Римскаго-Корсакова. Счастливейе русская симфоническая и камерная музыка. Будущность ея въ болѣе вѣрныхъ рукахъ. И имя Рахманинова должно быть названо здѣсь однимъ изъ первыхъ. Достаточно вспомнить только три послѣднихъ его крупныхъ произведенія, чтобы убѣдиться въ этомъ. Объ этихъ превосходныхъ сочиненіяхъ — второй симфонія, второмъ фортепіанномъ концертѣ и віолончельной сонатѣ — мнѣ приходилось уже писать. Каждое изъ нихъ явилось событіемъ въ своей области, каждое говорило о ростѣ таланта Рахманинова, расширяло кругъ почитателей этого таланта. Неудивительно, что концертъ піаниста Игумнова (17-го октября), посвященный сочиненіямъ Рахманинова, переполнилъ Малую залу Дворянскаго собранія.

«Гвоздемъ» концерта явилась новая фортепіанная соната Рахманинова, впервые исполненная г. Игумновымъ. Соната эта, сложная по музыкѣ, и въ смыслѣ фортепіаннаго изложенія очень замысловата. Только познакомиться съ ней за фортепіано, только разобраться во всемъ этомъ лабиринтѣ пассажей, ритмовъ, гармоній, полифоническихъ сплетеній — дѣло нелегкое даже для порядочнаго піаниста. Тѣмъ больше заслуга г. Игумнова, энергичное, вдумчивое исполненіе котораго представило слушателямъ сонату въ ясныхъ линіяхъ осмысленнаго, живаго цѣлага. Но и при такомъ исполненіи слушателю трудно было освободиться отъ впечатлѣнія какой-то сухости, возникающаго при первомъ знакомствѣ съ сонатой. Новая соната привлекаетъ такимъ же мастерствомъ формы, такимъ же обиліемъ

интересныхъ деталей, какъ, наприимѣръ, и фортепіанный концертъ или віолончельная соната, но въ ней нѣтъ той свѣжести фантазіи, того тематическаго вдохновенія, какъ тамъ. Къ тому же Рахманиновъ здѣсь не разъ повторяется. Въ томъ не было бы бѣды, если бы онъ повторялся «въ лучшемъ изданіи». Но этого-то и нельзя сказать. Точно композиторъ далъ здѣсь меньше того, что хотѣлъ дать и ради достиженія чего пустилъ въ ходъ столь сложные и изысканныя средства выраженія. Отдѣльные прекрасные эпизоды (особенно во второй части) основнаго впечатлѣнія не мѣняютъ.

Не въ лучшимъ сочиненіямъ Рахманинова относятся также исполненные г. Игумновымъ вариации на тему извѣстной шопеновской с-молл'ной прелюдіи. И здѣсь есть превосходныя отдѣльныя вариации, но въ цѣломъ пьеса никоимъ образомъ не поднимается до высоты вдохновившей ее прелюдіи. Первую вариацию, наприимѣръ, даже обидно слушать рядомъ съ темой Шопена. Лучшей частью программы оказалась на этотъ разъ средняя, посвященная прелестнымъ мелкимъ произведеніямъ Рахманинова. Сюда вошли поэтическая баркаролла, два moments musicaux, полный задумчивой грусти h-молл'ный и кипучій, стремительный e-молл'ный (встаети сказать, вяло исполненный), рядъ прелюдій изъ ор. 23. Публика много вызывала симпатичнаго піаниста и заставила его повторить двѣ пьесы.

Ю. Э.